

Станция народного единства

Здесь заканчивался СССР и начиналась Польша,
отсюда начался освободительный поход Красной армии

2022
ГОД ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ

И малая точка на карте под увеличительным стеклом истории может превратиться в символ великих событий. Негорелое – небольшая железнодорожная станция, отметившая в 2021 году 150-летие, – повидала на своем веку множество великих людей и событий, а с 1921 по 1939 год служила въездными воротами в СССР.

В наши дни эта тихая станция, где останавливаются лишь электрички, стала одним из символов воссоединения Беларуси. О том, что происходило в те далекие годы, мы беседовали с очевидцами и знатоками истории, в поисках фактов листали старые книги и брошюры.

Негорелое... Населенный пункт, возникший в чистом поле мановением перста русского инженера графа Берга. Когда-то это была часть принадлежащего Радзивиллам Койдановского графства, затем, уже после раздела Польши, перешло к Абламовичам.

В 1871 году Негорелому несказанно повезло. Здесь поставили станцию Московско-Брестской железной дороги. А ведь стальную магистраль могли проложить совсем в других местах. «Направление железнодорожной линии через Бобруйск и Пинск имеет преимущество перед предложен-

ным по проекту графа Берга направлением через Минск», – настаивал министр путей сообщения Павел Петрович Мельников в представлении от 19 мая 1867 года в Комитет железных дорог. Члены комитета – восемь против пяти – его поддержали, но царь 11 марта 1868 года начертал резолюцию: «Исполнить по мнению меньшинства». Казалось бы, вопрос закрыт, но 27 декабря 1868 года Комитет утвердил новый план с прокладкой пути через Могилев.

Лишь в феврале – марте 1870-го был принят план графа Берга, и строительство Московско-

Брестской дороги началось. За год с небольшим окрестные мужики с мотыгами, лопатами и тачками проложили колею протяженностью 620 верст, включавшую в себя 698 искусственных сооружений, в том числе 135 металлических мостов. На строительстве станции в Негорелом трудились полторы тысячи человек.

Первый поезд здесь прошел 28 ноября 1871 года. Два десятилетия спустя рядом с первой колеей проложили вторую, но вплоть до XX века между Минском и Столбцами было лишь две станции: Фаниполь и Негорелое. Станция Койданово открылась в 1906 году, остановочный пункт Станьково – в 1951-м. Неудивительно, что минский градоначальник Ян Кароль Александр Чапский ежедневно ездил на работу верхом.

Но в 1879 году Чапские получили-таки доступ к жирным негорельским землям, а заодно и к железной дороге, по которой можно было вывозить сельхозпродукцию в Столбцы, а оттуда по Неману экспортировать в дальние страны. Имение приобрел отец будущего градоначальника Эмерик Николай Северин Захариуш фон Гуттен-Чапский, заложил фруктовые сады, выстроил капитальные амбары, молочную ферму и сырзавод, на который поступало молоко от 300 породистых коров.

Казалось бы, идиллия! Но колесо истории сделало еще один оборот, и когда по Рижскому договору 1921 года граница пролегла буквально в двух шагах от Негорелого, именно этой неприметной станции на протяжении долгих 18 лет суждено было служить воротами в СССР.

Воротами в Европу все эти годы являлись Столбцы. В отличие от Негорелого, на въезде в Польшу никто не устраивал для пассажиров пышных праздников. «Скука польская», – писал Маяковский в стихотворении «Они и мы».

А Негорелое было не просто воротами, а триумфальной аркой с надписью «Привет трудящимся Запада!». На обратной стороне для выезжающих из СССР было начертано «Коммунизм сметет все границы». Въездная арка находилась ближе к границе, в районе станции Колосово. Именитых гостей и видных советских граждан, возвращавшихся из дальних краев, на негорельской платформе встречали

восторженные толпы местных жителей – с духовым оркестром, хлебом-солью и патетическими речами.

Два мира – две колеи

Еще в 1851 году при строительстве Санкт-Петербурго-Московской (с 1855 года Николаевской) железной дороги император Николай I повелел установить ширину колеи 1524 мм. Очень удобно – ровно 5 футов. Но главное – стратегический замысел, чтобы русская колея не стыковалась с 1435-миллиметровой европейской.

– Это была военная мера для предупреждения попыток быстро к нам попасть. Быстро не получится! – поясняет начальник станции Негорелое Марина Воронович.

Марина Петровна – представитель династии железнодорожников в третьем поколении, в Негорелом трудится уже девять лет, написала книгу о белорусских стальных магистралях. Свою страсть и профессию передала сыну Евгению. Мы беседуем с ней прямо на станции, в ее кабинете, потом на перроне.

Въездная арка в СССР с транспарантом «Привет трудящимся Запада!» в районе станции Колосово. Конец 1920-х годов

Потомственный железнодорожник Антон Азаркевич: «Помню, как все было, как наши войска подходили к границе»

– Разная ширина сохранилась и поныне, – говорит она. – Разве что отечественная колея в послевоенные годы сузилась до 1520 мм. Но и в наши дни в Бресте поезда «переобуваются». На профессиональном языке это называется перекаткой колес. В 1921–1939 годах узкая колея из Европы доходила до Негорелого, а широкая – из СССР до Столбцов.

Этот факт подтверждает и 95-летний Антон Азаркевич, живший в то время с родителями в будке путевого обходчика на 805-м километре железной дороги на советской стороне границы:

– Между Негорелым и Столбцами одна колея была широкой, другая – узкой.

Так и вижу эти две разнокалиберные колеи, пролегающие параллельно, а затем разбегающиеся в противоположные концы вселенной раз и навсегда. Даже купить билет до нужной станции в этом зыбком мире было невозможно.

«В Варшаве у билетной кассы я получила удивленный отказ: билет до Москвы? Билет выдается только до Столбцов, от Столбцов берешь билет до Негорелого, в Негорелом уже в русской кассе получаешь билет до Москвы», – пишет Анастасия Цветаева в 1927 году.

Такова была реальность: пограничный и таможенный досмотр в Столбцах, переезд через грани-

цу неподалеку от Колосово, а затем контрольно-пропускной пункт «Негорелое» и одноименная таможня, находившиеся в подчинении 16-го Койдановского пограничного отряда. В специальном зале проводился досмотр, и здесь же, в Негорелом, выполнялась перекатка колесных пар с европейского стандарта на советский.

«В 1921–1939 годах узкая колея из Европы доходила до Негорелого, а широкая – из СССР до Столбцов».

– На станции Негорелое были перекаточные тупики и маневровый локомотив, который переставлял вагоны, – рассказывает Марина Воронович. – Технология точно такая же, как сейчас в Бресте: вагон подымается, колеса выкатываются, подкатываются другие.

– Каждый день приходил пассажирский поезд из Польши, загоняли на перекаточные пути, здесь меняли колесные пары, и только после этого он отправлялся дальше, в Россию, – вторит Антон Азаркевич.

Впрочем, по другим свидетельствам, пассажиры в Негорелом просто пересаживались с европейского поезда на советский. Перекатка же практиковалась в отношении грузовых вагонов, благо за

«Вот так выглядел вокзал в 1920–30-х годах», – говорит начальник станции Негорелое Марина Воронович

сутки через границу проезжала лишь пара товарных составов.

– Сегодня через Негорелое в сутки проходит 50 пар, не считая электричек. И это еще немного! – просвещает нас Марина Воронович. – В 2000–10-х годах ежесуточно мы пропускали порядка 75 пар. Из-за санкций и ковида интенсивность движения заметно снизилась.

А тогда была единственная пара пассажирских поездов, но зато какая! Париж – Негорелое – Маньчжурия, Маньчжурия – Столбцы – Париж. Трансконтинентальный экспресс, чемпион мира по дальности. Только представьте: две недели пути ради того, чтобы с воспетых маньчжурских сопок взглянуть в глаза Тихого океана.

Остановка в Негорелом длилась 1 час 10 минут. Или, как считает Марина Воронович, 1 час 40 минут. В Столбцах – 45 минут.

Увеличивалась ли стоянка при проезде высоких гостей? «Буревестник революции» Максим Горький въезжал в СССР через Негорелое четырежды: в 1928, 1929, 1931 и 1932 годах. И каждый раз на станции ему устраивали митинг с духовым оркестром, речами, цветами и пионерами.

«Побывал здесь даже Риббентроп после переговоров с Молотовым».

А ведь этим маршрутом проезжали Алексей Толстой, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский, Агния Барто, Янка Купала, Якуб Колас, Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Юлиус Фучик, Стефан Цвейг, Бертольд Брехт... И это только малая часть знаменитостей.

23 декабря 1934 года на станции давал концерт знаменитый негритянский певец Поль Робсон.

В августе 1936-го первый советский чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник, возвращаясь триумфатором с международного турнира в

Максим Горький с пограничниками на станции Негорелое. 1931 год

Алексей Толстой с женой на перроне станции в Негорелом. 1937 год

Межвоенный период – особая страница нашей истории, считает местный краевед Владимир Мишуру

английском Ноттингеме, прямо на вокзале после митинга провел сеанс одновременной игры для пограничников и местных комсомольских активистов.

Меньше года прошло, и 27 июля 1937 года в Негорелом состоялась торжественная встреча возвращающихся в СССР советских летчиков Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова, на самолете АНТ-25 осуществивших первый в истории беспересадочный перелет по маршруту Москва – Северный полюс – Северная Америка. И опять цветы, пионеры, интервью...

«Из 17 сельсоветов 10 были польскими. По настоянию Москвы их заставили писать документацию на польском языке».

– Побывал здесь даже Риббентроп после переговоров с Молотовым, – рассказывает бывший директор Негорельской средней школы № 2, краевед Владимир Харитонович Мишуру. – В Москву он летел на самолете, а назад возвращался поездом без лишнего шума.

Неудивительно, что при таком количестве важных персон на станции Негорелое еще в начале

1920-х воздвигли добротный каменный двухэтажный вокзал в стиле модерн с парадным залом ожидания, ревизионным залом, изысканным европейским рестораном, парикмахерской, валютным магазином, телефоном, телеграфом и гостиницей «Интурист». Роскошь почти московская!

Да и штат в полсотни человек был почти сплошь российский, вплоть до сторожей, стрелочников и кубогреев. Дисциплина строжайшая, ношение формы обязательно.

– Штаб Западной железной дороги был в Смоленске, – поясняет Владимир Мишуру, – да и пограничники, таможенники все приезжие. Потому и школа русская была.

При том что Дзержинский район в 1932 году объявили польско-национальным.

– Из 17 сельсоветов 10 были польскими. По настоянию Москвы их заставили писать документацию на польском языке, – ошарашивает меня Владимир Харитонович. – Негорельский сельсовет оставался белорусским, а в Боровом, Татарщине, Скирмонтово открыли польские национальные школы.

Чемодан без ручки

8 декабря 1928 года Владимир Маяковский возвращался из последней в жизни заграничной поездки. Париж, Берлин...

Тогда и родилось пронзительное стихотворение «Они и мы», где перед нами предстает и «влезшая в селезенки» Силезия, и «от дождика скользкая почва Польши», и нетерпеливое ожидание Родины:

*«На горизонте –
белое.*

*Снега
и Негорелое», –*

и березки у Негорельской таможни,

*«снегами припарядясь,
в снежном*

*лоске
большущая радость».*

Но это, хоть границ впереди и нет, все еще не Россия:

*«Километров тыщю
на Москву*

рвусь я.

Голая,

нищая

бежит

Белоруссия».

Не из-за этой ли нищеты, которую нам сегодня даже трудно представить, в канун подписания Рижского мирного договора между РСФСР, УССР и Польшей с нашей страной обошлись как с чемоданом без ручки?

«Руководитель советской делегации А.А. Иоффе не допустил представителя БССР А.Г. Червякова на переговоры, сообщив ему, что, если понадобится, советская сторона передаст всю территорию Беларуси Польше», – писал в 2004 году белорусский историк Игорь Валаханович.

Страна сохранилась лишь потому, что руководитель польской делегации Я. Домбский от щедрого советского предложения отказался. Слишком это было опасно. И без того нацменьшинства составляли более 40 % населения «второй Речи Посполитой»: 20 % украинцы, 9 % белорусы, 8 % евреи, 3,9 % немцы.

Поляки взяли только половину – то, что на тот момент готовы были проглотить, – 113 тысяч квадратных километров с населением 4,6 млн человек. Разрезали страну пополам, но все равно у них случилось несварение.

Поляки не хотели, да и не были способны модернизировать Западную Беларусь.

По данным на 1936 год, количество рабочих на оккупированных Польшей землях уменьшилось на 17 % в сравнении с 1913 годом. Около 82 % населения занимались сельским хозяйством.

Тогдашний вице-премьер Квятковский откровенно заявлял, что на территории этнической Польши находилось свыше 80 % газовых заводов, свыше 80 % типографий, культурных, санитарных и лечеб-

ных заведений «второй Речи Посполитой». Здесь потреблялось 93 % всей электроэнергии, около 85 % железа.

Виленская газета «Слово», отнюдь не питавшая симпатий ни к СССР, ни к большевизму, 5 февраля 1930 года опубликовала любопытнейшие данные Виленской промышленно-торговой палаты о потреблении ресурсов в различных регионах тогдашней Польши.

Так, железа в Варшавском воеводстве использовали в год на душу населения 24 кг, в Малой Польше (Краков, Катовице, Люблин) 20 кг, в Великой Польше (Познань) 17 кг, на Восточных Кресах 4 кг. Расход угля в Варшавском воеводстве составлял 616 кг на человека в год, в Малой Польше 1025 кг, на Восточных Кресах 75 кг. Расход искусственных удобрений в Варшавском воеводстве был в ту пору 651 кг на человека в год, в Малой Польше 1025 кг, в Великой Польше 5649 кг, на Восточных Кресах 49 кг. Сахар в Варшавском воеводстве съедался среднестатистической душой в количестве 51 кг в год, в Малой Польше 12 кг, в Великой Польше 18 кг, на Восточных Кресах 7 кг. Так что жизнь, в особенности крестьянина, была несладкой. Особенно если учесть, что на него повесили свыше 80 налогов и сборов, а сумма была в 5–7 раз выше, чем в царской России.

Плюс чудовищная диспропорция во владении землей. Всего 0,9 % помещичьим хозяйствам принадлежали 40,5 % пахотной белорусской земли.

Таможенный контроль на станции Негорелое. Начало 1930-х годов

«В первые годы после раздела границу легко можно было пересечь болотными тропами», – рассказывает директор Дзержинского историко-краеведческого музея Галина Вашкевич

В среднем на одну помещичью латифундию приходилось по 500 гектаров. 10,3 % земли было у богатых крестьянских хозяйств, кулаков, они составляли 4,3 % от общего числа землевладельцев. В среднем в распоряжении богатой крестьянской семьи было 80 гектаров. Бедных же крестьянских хозяйств было 95 %, и они занимали 49,1 % земли. В среднем по 2,7 гектара на семью.

Газета «Вечур Варшавски» писала: «Крестьянин в Западной Белоруссии перестает пользоваться железным топором, потому что старый испортился, а на новый нет денег. Когда нужно что-либо разрубить, он старается это сделать каменным топором, изготовленным по способу, применявшемуся в доисторический каменный век. Он не употребляет больше железных гвоздей, заменяя их деревянными. Никто не кует лошадей, благо почва мягкая, а железа на подковы жаль. Даже самые маленькие кусочки железа являются кладом для крестьянина Полесья. Каждый найденный им кусок железа заботливо прячется, перековывается и переделывается по многу раз».

Крестьяне пахали сохой, а не плугом, из-за чего почва истощалась и урожаи были низкие.

«Люди в селах живут весьма бедно, – пишет осадник, капрал, получивший надел в Щучинском уезде

Новогрудского воеводства. – На одном или двух гектарах земли живет 7 человек. Их жизнь немногим лучше жизни зверей. Питаются они картофелем, но и его очень часто не хватает. Сапог у крестьян нет. Они носят деревянные черевички. Зимой мерзнут в своих кривых хатках без топлива. Купить топливо нет средств. Иногда крестьянин привозит немного сучьев и этим надымит в хате. Так горюют до весны. Весной немного оживают. Позже созревают ягоды, собирают грибы. Но и это легко не достается. Если поймают человека, ушедшего в лес за ягодами, то у него отнимут ягоды, избыют, хоть ягод в лесу будет и уйма».

Неудивителен разгул контрабанды, о котором нам поведала директор Дзержинского историко-краеведческого музея Галина Вашкевич:

– В первые годы после раздела страны шли с сумками, торбами, баулами. Пограничников на всю территорию не хватало, так что границу легко можно было пересечь болотными тропами. В Столбцах, Ивенце, Рубежевичах, Ракове предприимчивые люди пооткрывали магазинчики, где контрабандный товар можно было сбыть.

Вслед за контрабандистами шли шпионы, которых ловило буквально все приграничное население СССР.

– С ними проводились политинформации: мол, увидите подозрительных людей на своей территории – немедленно сообщайте, – рассказывает Галина Вашкевич.

Ярким примером для жителей приграничья стала заведующая колхозной фермой Мария Янковская, которая однажды на рассвете повстречала незнакомцев, переодетых в женское платье. Она согласилась провести их туда, куда они просили, и вывела прямиком на пограничную заставу, за что была удостоена государственных наград, а «все-союзный староста» Калинин подарил ей швейную машинку.

Везли контрабанду и железной дорогой. Драгметаллы вплавливали в кусочки мыла. Меха и дорогие ткани перевозили «на живую нитку».

«Пограничников на всю территорию не хватало, так что границу легко можно было пересечь болотными тропами».

– То, что на мне, считается моей одеждой, – наглядно разъясняет Галина Викторовна. – Допустим, сделаю я себе манишку из нутрии или песца, прихвачу на живую нитку... Или обкручу вокруг себя

отрез натурального шелка – вот вам, пожалуйста, юбка!

Контрабандисты, как никто другой, имели возможность сравнить уровень жизни по обе стороны границы, и советская власть делала все, чтобы превратить Негорелое в витрину достижений социализма. Тут и электростанция, и МТС (машинно-тракторная станция) – одна из первых в стране.

– Колхоз был богатый, много коров, – вспоминает Антон Азаркевич.

Удивительнее всего, что электростанция сохранилась до наших дней. Демобилизовавшись в 1951 году, Антон Игнатьевич трудился на ней машинистом.

– Паровые и дизельные электростанции относились в ту пору к железнодорожному ведомству. Внутри стояло два локомотива. Те же паровозы, только без колес, – улыбается Антон Игнатьевич.

Казалось бы, каменный век. Но только представьте, какими глазами смотрел западнобелорусский крестьянин на «лампочку Ильича», на трактор с железным плугом.

Восточные Кресы под Польшей не развивались. Даже помещики (вспомним историю князя Оболенского в мартовском номере «Беларускай думкі») жили в основном продажей земель.

Водонапорная башня неподалеку от станции Негорелое обеспечивала подачу воды для паровозов с 1886 года

В Негорелом сохранилось здание электростанции 1920-х годов, работала она на дровах

Зато ополячивание продвигалось бешеными темпами. Из 400 белорусских школ к 1935 году в Западной Беларуси оставалось лишь 16, а в 1937-м и они были закрыты.

«Ни о каком белорусском народе не может быть и речи, так как у белорусов нет никаких собственных традиций, – писал в 1910 году идеолог ополячивания Владислав Студницкий. – О белорусской культуре не приходится говорить: она является лишь сферой перекрещивания польских и русских влияний. Белорусы – это этнографический материал, это промежуточная форма между поляками и русскими».

Но сами белорусы так не думали. Не потому ли с таким нетерпением и трепетом ждали в Западной Беларуси воссоединения с восточными братьями?

Красной армии поход

И оно наступило. Внешняя канва событий общеизвестна. 23 августа 1939 года Молотов и Риббентроп в Москве подписали пакт о ненападении. 1 сентября Гитлер напал на Польшу. Утром 17 сентября послам и посланникам 24 государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, в том числе Германии, Италии, Китая, Японии, Великобритании, Франции, США и почему-то Тувинской Народной Республики – была разослана нота следующего содержания:

«Господин Посол,

Препровождая Вам прилагаемую при этом ноту Правительства СССР от 17 сентября с.г. на имя польского посла в Москве, имею честь по поручению Правительства заявить Вам, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (наименование страны).

Примите, господин Посол, заверения в полнейшем к Вам уважении. Народный комиссар иностранных дел Союза ССР В. Молотов».

Польскому же послу была направлена совсем другая нота:

«Господин Посол!

Польско-германская война выявила полную несостоятельность польского государства. <...> Тем самым прекратили свое действие договоры,

заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, которые могут создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи до этого нейтральным, Советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советский Союз не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, которые проживают на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

В связи с такой обстановкой Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии отдать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Беларуси...»

Те же мотивы звучат и в речи Молотова, которую 17 сентября услышал по радио весь Советский Союз.

В тот же день Красная армия пересекла западную границу СССР. Этот шаг давно готовился. 11 сентября на всей территории огромной страны объявили «частичный призыв запасных». Перепуганное население бросилось в магазины скупать муку, соль и спички. 14 сентября газеты опубликовали сообщение о нарушении воздушной границы СССР польскими военными самолетами. У границы постепенно скапливались советские войска...

– Помню – осень, было еще довольно тепло, – как наши войска подходили к границе, – вспоминает Антон Азаркевич, в ту пору 12-летний паренек. – Артиллерия на конной тяге, солдаты в обычной форме, танки. Очень много красноармейцев в лесу. Я понимал, что войска готовятся к переходу границы или войне. Чувствовал: что-то назревает.

И наконец, вся эта армада сдвинулась в сторону Столбцов.

– Когда наши переходили через границу, прогремели артиллерийские залпы. Стреляли из нескольких орудий, и тут же стало тихо, ни единого выстрела, никакого сопротивления! Пять километров до границы – расстояние небольшое, все было слышно, – продолжает свой рассказ Антон Игнатъевич.

Согласно оперативным сводкам Генерального штаба РККА, 17 сентября взято Глубокое, Молодечно, Воложин, Барановичи, Снов, Кореличи, Мир, 18-го – Слоним, Новогрудок, Волковыск, 19-го – Пружаны и Кобрин, 20-го – Гродно, 22-го – Брест-Литовск.

– Народ Западной Беларуси в основном встречал нашу армию по-дружески, по-братски, – подчеркивает Азаркевич.

«Когда наши переходили через границу, прогремели артиллерийские залпы. Стреляли из нескольких орудий, и тут же стало тихо».

«Крестьяне показывали дорогу, говорили о путях, куда скрылся враг, о его численности, помогали прокладывать дорогу танкам и выискивать силы врага, били его чем могли и накрепко. Рабочие Гродно на лодках перевозили пехоту через Неман», – пишут Абрамов и Венский.

Это не значит, что наступление шло как по маслу. В частности, за Гродно развернулись жестокие бои.

«От пуль врага Красная Армия потеряла убитыми 747 человек, ранеными 1862», – читаем мы в книге Н. Абрамова и А. Венского «Западная Украина и Западная Белоруссия» (Ленинград, 1940).

Здесь же перечисляются и наши трофеи: 900 с лишним орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн винтовочных патронов, около миллиона артиллерийских снарядов, до 300 самолетов.

Так что единство Беларуси завоевано кровью красноармейцев со всех уголков Советского Союза.

«Дзе панавала галеча, завітнее вялікае чалавечае шчасце», – писала 17 сентября 1939 года газета «Звязда», а учитель Малевич, член Полномочной комиссии по включению Западной Беларуси в состав БССР, произнес пророческие слова: «Как не восходить солнцу с запада, и как Неману и Двине не бежать назад из Балтийского моря к своим истокам, так не бывать нашей воссоединенной Советской Белоруссии под пятой польского и всякого другого пана».

Но на пути к единой суверенной Беларуси пришлось пройти еще немало испытаний. Демаркаци-

онная линия, которую нельзя было пересечь без специального разрешения, оставалась на месте прежней границы вплоть до самой войны.

А потом нагрянули немцы, и жителям района пришлось воевать не только с ними, но и с аковцами (партизанами польской Армии Крайовой).

– Они знали все наши тропинки и не ездили, как мы, по десять человек – сотня, полсотни, две сотни, – вспоминает Антон Азаркевич.

В ту пору юный партизанский разведчик, он едва не лишился жизни в тяжелейшем бою с аковцами под Телешевичами.

– Банды аковцев орудовали в районе Полоневич, километров 8–10 от Негорелого, вплоть до 1953 года, – рассказывает он. – Грабили магазины, убивали активистов, учителей, председателей сельских Советов. Даже когда подключились МГБ и внутренние войска, далеко не сразу удалось их уничтожить.

Именно в том же 1953 году Минская и Белорусская дороги были объединены в единую Белорусскую железную дорогу с управлением в Минске.

А станция Негорелое с тех пор живет тихой будничной жизнью. Вместо разбомбленного в войну роскошного вокзала – небольшое станционное строение в стиле сталинского ампира. Вместо трансконтинентального экспресса – электрички и грузовые поезда, к которым цепляют вагоны с зерном и картофелем. Больше нет ни паровозного депо, где покоились откатавшие свой срок железные кони со всего Советского Союза, ни станционного музея. Гордость индустрии Негорелого – ульевой и воскоперерабатывающий завод – исправно отгружает свою продукцию по Беларуси и на экспорт.

Здесь живут хорошие люди, и пусть будет спокойной и сытой их жизнь в суверенной стране, отвоеванной каторжным трудом, слезами, потом и кровью поколений. Пусть будут века спокойствия и счастья – без панов, без границ, в дружбе, согласии и мире.

Юлия АНДРЕЕВА
Фото Павла ОРЛОВСКОГО,
из открытых источников